

А.Н. Лобин (Санкт-Петербург)

**МАЛОИЗВЕСТНЫЙ ИСТОЧНИК О БИТВЕ
ПОД ОРШЕЙ 1514 г.
(К ВОПРОСУ ОБ УНИКАЛЬНОСТИ СВЕДЕНИЙ
РАННЕГО СПИСКА ХОЛМОГОРСКОЙ
ЛЕТОПИСИ)¹**

О БИТВЕ ПОД ОРШЕЙ сохранилось достаточно большое количество нарратива². Русские летописи XVI в. составляют весомую его часть. В то же время они содержат крайне скудную информацию о самом сражении, так как упоминают о нем лаконично и мимолетно. Официальное летописание представлено Уваровской (свод 1518 г.), Софийской II, Иосафовской, Воскресенской, Никоновской, Львовской летописями (своды 1520–1533 гг.). В них содержатся рассказы о событиях, предшествующих битве (измена М. Глинского, посылка корпуса И.А. Челяднина), и о ходе самого сражения, причем ряд деталей находит подтверждение в других источниках, как то: наличие в войске противника «жолныров с пищальми», гибель князя Ивана Темки-Ростовского в передовом полку.

Среди памятников периферийного летописания следует отметить новгородские летописи, восходящие к своду 1539 г., а также псковские летописи. Псковский летописный свод 1547 г., переработанный игуменом Псково-Печерского монастыря Корнилием, включает в себя описания тех событий, которые обошло вниманием московское летописание. Нельзя не отметить и летописную статью за 7023 (1514) г., содержащую повествование «об Оршанском побоище», созвучное со «Словом о полку Игореве» и «Задонщиной».

Для изучения военных кампаний Василия III особую ценность имеет Устюжский летописный свод, составленный около 1516 г. Историки не раз замечали, что некоторые рассказы, например, о взятии Смоленска и Оршанской битве, а также о походе псковского наместника Сабурова были записаны, скорее всего, со слов очевидцев.

В современной белорусской историографии содержится гиперкритическое отношение к сведениям русского нарратива. Так, исследовательница из Гродно Альбина Семянчук безапелляционно заявляет, что «польские хроники и так называемые белорусско-литовские летописи... дают больше информации, также их определяет большая объективность, чем летописи, которые происходили из Великого Княжества Московского»³. Здесь мы видим априорный подход, когда ничем не подкрепленное утверждение доводится до уровня констатации факта. С источниковедческой точки зрения нет никаких весомых аргументов для декларирования «большой степени объективности» польско-литовского нарратива и субъективности русских летописей, т. е. отдавать предпочтение одному нарративному источнику и игнорировать другой.

Белорусский историк А.В. Казаков отмечает, что в описании сражения под Оршей для московских и региональных летописей характерна черта – «стремление оправдать поражение московских полков», «оправдать разгром», поэтому доверия к ним нет⁴. Между тем, автор не видит разницы между оправданием поражения и объяснением причин поражения. В летописных текстах **главная** причина поражения – грехи перед Богом («грех ради наших», «по грехам нашим»). В остальном при описании обстоятельств разгрома летописец стремится объяснить своими словами, почему так произошло. Перед нами, конечно же, субъективный взгляд на обстоятельства жестокого поражения, но отметить его по причине «оправдания поражения» является слишком сильным упрощением.

В попытках разобраться с достоверностью сведений русских летописей А.В. Казаков делает весьма странные выводы, которые не могут не вызывать недоумение. Так, историк понимает слова летописи «а сила ненарядна была» как сетование летописца на отсутствие у русского войска артиллерии⁵. Хотя термин «наряд» в источниках XVI–XVII вв. имел несколько значений, в том числе в военном деле: «порядок», «боевая готовность», «снаряжение», «комплект», «артиллерия»⁶. Если не вырывать цитату из контекста, то получается, что во фразе «а сила ненарядна была, а иние в отъезде были (выделено мной. – А. Л.)» скорее говорится о некомплекте войска (так как часть воинов была в разъездах), а не об отсутствии артиллерии.

Также странным звучит тезис белорусского исследователя о том, что «москвичи (так в тексте. – А. Л.) прекрасно знали о приближении противника и имели достаточно времени, чтобы, отступив за Днепр,

приготовиться к битве»⁷. К сожалению А.В. Казаков не уточняет, каким образом и какими средствами удалось бы воеводам всего за неделю (с момента выдвижения армии К. Острожского из лагеря под Борисовым) собрать разбросанные на сотни километров «загоны» воедино. Кроме того, автор впадает в противоречие с источниками польско-литовского происхождения, согласно которым раскиданные на больших расстояниях крупные отряды «московитов» были поэтапно разбиты в конце августа – начале сентября передовыми частями В. Полубенского, И. Пилецкого, И. Сапеги⁸. Следовательно, еще за несколько дней до Оршанской битвы русское войско еще не было собрано⁹. Об этом и говорит летописец.

Значительно расширить наши представления о сражении пяти-сотлетней давности нам поможет уникальный рассказ одного из двух сохранившихся списков Холмогорской летописи, ранее не привлекавший внимания историков военного дела. До 1948 г. Холмогорская летопись вообще не упоминалась в литературе, только в 1977 г. она была опубликована по Погодинскому списку № 1405 (2-й половины XVII в.). Но в этом списке статья о битве под Оршей отсутствовала. Второй список (бумага датируется по филиграням 1580–1590-ми гг., т. е. он является более ранним) был обнаружен сравнительно недавно – его научное описание было осуществлено только в 1985 г. А.В. Лаврентьевым¹⁰. Он сохранился в составе собрания Чертковых в отделе письменных источников Государственного исторического музея¹¹.

Оба списка Холмогорской летописи, и Погодинский, и Чертковский, оканчиваются статьей за 1559 г., где сообщается о приезде из Москвы «писать Двину» Василия Михайловича Гагина. По словам А.В. Лаврентьева, этим и можно «предположительно объяснить сам факт появления летописания на Двине»¹².

Чем же ценно для нас сообщение о битве под Оршей раннего списка Холмогорской летописи? Дело в том, что он содержит рассказ, отсутствующий в других летописях, нет его также и в Погодинском списке. Как установил А.В. Лаврентьев, ряд известий Холмогорской летописи «мог быть заимствован из устной традиции»¹³.

Описание боя занимает всего лишь лист с оборотом (Л. 318–318 об.), однако оно содержит немаловажные детали для реконструкции сражения. Несмотря на то, что в тексте встречаются ошибки в именах (например, Иван Андреевич Челяднин назван Васильем Андреевичем, в Смоленске после отъезда Василия III был оставлен

якобы Данила Щеня вместо Василия Шуйского), уникальность рассказа раннего списка Холмогорской летописи стоит наравне с известием Устюжской летописи (Архангелогородского летописца).

Изложение обстоятельств битвы в некоторых деталях пересекается с рассказом С. Герберштейна. Так, по словам летописца, после взятия Смоленска Василий III направил к Орше своих воевод: «И пришедше в Литовские украины, и стаха под Оршею у реки». О «стоянии» недалеко от крепости писал С. Герберштейн, рассказ которого отразил влияние литовского источника. По его словам, когда К.И. Острожский «подошел к Борисфену близ Орши (Orsa), города, отстоящего от Смоленска на двадцать четыре немецких мили, то там уже стояло войско московита...»¹⁴.

В Холмогорской летописи говорится: «И множество войска литовьского перевезеся за реку за Оршу против воевод великого князя. В то же время Литовский гетман болшей князь Константин Острожский, литовский воевода, **объеде воевод великого князя лесы об ону страну Орши реки со многими воеводы ляцкими** (выделено мной. – А. Л.)»¹⁵.

В историографии на сегодняшний момент существует несколько версий локализации битвы. Историки до сих пор спорят, где произошло сражение: на левом или правом берегу Крапивны? Автор этой статьи придерживается первой версии, обосновав ее в своей книге. В то же время в последних публикациях белорусских исследователей отстаивается вторая версия, которая локализует место сражения между Крапивной и Дубровной¹⁶. Так, историк А.В. Казаков предлагает собственную попытку реконструкции места сражения. По его мнению, все те версии, которые локализуют место сражения между Оршей и Крапивной, «имеют довольно существенные недостатки, которые делают каждую из этих версий довольно сомнительной», тогда как его реконструкция «согласуется или, как минимум, не противоречит тем сообщениям источников, которые заслуживают доверия»¹⁷. Белорусский краевед Ю. Копчик также считает, что сражение произошло на правом берегу Крапивны¹⁸. Мы, в свою очередь, никак не можем согласиться с подобной трактовкой, основанной в большей степени на логических построениях, чем на источниковой базе.

Рассказ Холмогорской летописи записан, скорее всего, со слов участника сражения, который явно не мог оценивать в полной мере обстановку на поле боя и для которого было ясно только одно: Ост-

рожский ударил в тыл русских со стороны леса. Обратим также внимание на то, с какой стороны был удар засады: «от лесу Смоленска и наеха со зади на воевод великого князя», т. е. из лесного массива, который находился в той стороне, где и город Смоленск (т. е. с восточного направления). Кроме того, летописный рассказ, как и известие С. Герберштейна, совершенно определенно локализует место сражения под Оршей.

Большинство источников, современных событию (т. е. 1514–1515 гг.) также локализируют битву именно «у Орши». Если в эпистолярном комплексе «Acta Tomisiana» о месте сражения говорится неопределенно – «на берегах Борисфена» или «у Борисфена», – то в орденских документах вполне четко читается «у Орши на Днепре». Надо отметить, что орденская разведка внимательно следила за развитием ситуации на русско-литовском фронте и получала *secretum littera* (секретные послания) от своих осведомителей (обозначенные в документах как «*exploratores*», «*unstschaffter*» и «*vorspeer*») как из России, так и из Литвы. 16 сентября 1514 г., т. е. через неделю после сражения, в одном из сообщений говорилось: «*konincklike magestat folk hebbenn eyne slachtynge geholdenn by Orsa an der Nepe*» («Воинство Его Королевского Величества дало сражение у Орши на [Д]неп[р]е»¹⁹).

Текст секретаря королевы Боны Сфорца Станислава Гурского, который использует А.В. Казаков в своей реконструкции²⁰, на самом деле не подтверждает построения историка. Гурский прямо не упоминал об Орше, однако в описании разгрома и отступления «москвитов» отметил один географический ориентир: «*Sed etiam in flumine Kopriwna limoso ac riparum prruptarum in quatuor milliariis a loco pugne tantus in illia fuga Moscorum numerus una cum equis submersus est, ut fluminis cursus cadaveribus submersorum impeditus restagnaret; unde nostril, urgente siti, aquam sanguinolentam galeis haurientes potare coacti fuerint*» («Даже в болотистом русле Крапивны и на ее обрывистых берегах в четырех милях от места битвы лежало большое количество москвитов вместе с лошадьми, так что течение было запружено наваленной кучей трупов, и наши, сжигаемые жаждой, зачерпывали шлемами и пили кровавую воду»). Частица «даже» (*etiam*), употребляемая для смыслового выделения слов, используется здесь не случайно – автор хотел подчеркнуть, что даже в таком удаленном от битвы месте, как русло Крапивны, в четырех милях от сражения, находили трупы. «Москвиты» после разгрома, естест-

венно, под напором противника инстинктивно спасались по направлению на восток, к своим крепостям («побегоша к Смоленску»²¹), но никак не на запад. Неудачно отступить к обрывистым берегам по направлению к своим основным силам можно было бы только в том случае, если бы Крапивна находилась к востоку от построек, за спиной у русских войск.

В имперских источниках также фигурирует сражение «у Орши» («*bey Orsa*»)²², что, несомненно, локализует произошедшее событие вблизи крепости. Затрагивая известия имперские, следует особо отметить известие С. Герберштейна. А.В. Казаков относится к нему скептически, поскольку, по словам историка, «рассказ (о битве. – *А.Л.*) попал к С. Герберштейну уже в мифологизированном виде»²³. Причины, по которым А.В. Казаков отбрасывает свидетельство имперского дипломата, непонятны.

Между тем С. Герберштейн это сражение явно интересовало: он упоминает о нем не один раз, ему было знакомо даже место побоища. Вот что он пишет: «Между Оршей и Дубровно произошла упомянутая выше битва. **Минуло немного лет, а там выросли такие высокие деревья, что трудно поверить, что здесь могло найтись место для такого количества народа и войска** (выделено мной. – *А.Л.*)». Т. е. сопровождавшие дипломата по пути в Смоленск литовцы ему явно показывали место сражения, рассказывали, пусть и в «мифологизированном виде», об «избиении московитов». Поэтому неудивительно, что в другом месте Герберштейн с такими подробностями сообщает обстоятельства, предшествовавшие сражению: «Константин, наведя (плавучий) мост (покрытый камышовыми плетенками), переправил пехоту через Борисфен **возле города Орши**; конница же переправилась **по узкому броду под самой крепостью Оршей** (выделено мной. – *А.Л.*)»²⁴.

Герберштейн передает детальные подробности, почерпнутые, очевидно, от литовского источника: мост, наведенный саперами Я. Башты²⁵, был действительно наплавной, по нему перешла пехота недалеко от города, а по узкому броду, находящемуся под самыми стенами Орши, переправилась конница (см. например, ксилографию А. Критского 1515 г.²⁶). Следовательно, польско-литовские войска переправились на поле между Оршей и р. Крапивной. Они никак не могли оказаться на правом берегу Крапивны – для этого им надо было на глазах русских боевых порядков пройти несколько миль по пересеченному рельефу и еще раз переправиться через реку с крутыми склонами.

Русский нарратив, так же как и европейский, традиционно говорит о битве «под Оршею»: «Бысть побоище великое под Оршею», «послал... ко граду Оршу... и тамо ся учинил бой». В разрядах говорится, что «под Оршею воевод побили»²⁷. В родословцах и актовых документах XVI в. фразы «убит под Оршей», «убили на нашей службе под Оршею», «бой был государевым людем под Оршею» встречаются нередко²⁸. Ни в одном источнике не фигурирует крепость Дубровна или какой-либо другой географический ориентир, расположенный на значительном расстоянии от Орши.

Среди русских источников особо следует выделить Типографскую летопись, содержащую сведения об ориентире: «побиша Литва под Оршею, за пять верст (выделено мной. – *А.Л.*), великого князя воевод и многих поимаша воевод, князя Михаила Голицу с товарищи»²⁹. 5 верст (если брать 700-саженную версту XVI в.) – это около 7,5 км от крепости, что в очередной раз указывает на границы оршанского поля. Сведения Типографской летописи также противоречат реконструкции А. Казакова и Ю. Копцика.

Известие Холмогорской летописи, в свою очередь, также локализует место битвы у Орши, т. е. на левом берегу Крапивны. Таким образом, место сражения по источникам локализуется совершенно определенно, вполне возможно даже в пределах видимости с городских стен Оршанского замка.

В Холмогорской летописи говорится о переправе под Оршей и спланированной засаде (русские полки стояли спиной в сторону Смоленска): «В то же время князь Констянтин Острожский **заеха от лесу Смоленьска и наеха со зади на воевод великого князя** и повеле в трубы трубити многи и во накры бити, изрядив многи полки и **ударися со зади на воевод великого князя**». Ни в одной летописи нет такого рассказа о тактическом приеме противника, обеспечившем ему победу. Короткие фразы московских летописей («с королевыми же воеводами многие желныры с пищальми, а место пришло тесно, и биша из лесов великого князя людей»³⁰) как бы намекали на действия литовцев из засады, но прямо об этом не говорили. Холмогорская летопись, как и Устюжская летопись, очевидно, отразила какие-то воспоминания участников сражения. В то же время известие Устюжской летописи связывает причину поражения не с действием засады, а с внутренним конфликтом – местничеством двух воевод, И.А. Челяднина и М.И. Булгакова, не желавших помогать друг другу в жестокой битве с литовцами.

Соотнесем рассказ Холмогорской летописи со свидетельством С. Герберштейна: «Литовцы, умышленно отступив к тому месту, где у них были спрятаны пушки, направили их против наседавших московитов и **поразили задние их ряды, выстроенные в резерве**, но слишком скученные, привели их в замешательство и рассеяли»³¹. Как видим, и русский, и имперский источники не противоречат, а дополняют друг друга.

Интересно также заметить, что Холмогорская летопись прямо пишет об испуге Василия III, узнавшего о поражении своих воевод (в московских летописях этот эпизод замалчивается): «Князь же великий, слышав сие, убояся и стави во Смоленце воевод своих князя Данила Щеня и иных воевод блюсти град. А сам князь великий поиде к Москве». В то же время, нельзя не отметить, что рассказ Холмогорской летописи о походе в Литву («Того же лета послал князь великий воевод своих на Литовскую землю. Воеводы же шед в Литовскую землю и воеваша и поплениша многие места, грады и волости по самую Вилню и посторонь Вилни и за Вилню. И возвратишася со многим пленом поздорову»), по-видимому, ошибочно отнесен к 1514/1515, а не к 1516–1518 гг.³².

Таким образом, ранний список Холмогорской летописи содержит интересные и уникальные сюжеты об Оршанской битве, отсутствующие в других памятниках русского летописания.

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант 15-21-01003 а(м).

² Подробнее обзор см.: Лобин А.Н. Битва под Оршей 8 сентября 1514. К 500-летию сражения. СПб., 2011.

³ Семянчук А. Бітва пад Оршай як «фігура памяці» // ARCHE. 2013. № 2 (119). С. 151.

⁴ Казаков А. Сообщения русских летописей об Оршанской битве 1514 г. // Traptautinė mokslinė konferencija «1514 m. Oršos mūšis: karinė pergale ir jos ženklai», Vilnius, 2014 m. rugsėjo 26–27 d. Pranešimų tezės. Vilnius, 2014. P. 116. В другой работе, посвященной историографии Оршанской битвы, А. Казаков, критикуя мои построения, в качестве замечания пишет: «Например, исследователь даже не задается вопросом, не является ли утверждение летописцев об отсутствии части московских воинов на момент битвы или о якобы неожиданный для московского командования приход Острожского под Оршу обычным стремлением оправдать разгром?» (Казаков. Гістарыяграфія Аршанскай бітвы 1514 г.: дасягненні і праблемы // Беларускі Гістарычны Агляд. Т. 22. Сш. 1–2 (42–43). Снежань 2015. С. 26).

⁵ Казаков А.В. Сообщения русских летописей об Оршанской битве 1514 г. С. 116–118.

⁶ Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1983. Вып. 10 (Н – наятыся). С. 227–230.

- ⁷ Казаков А. Сообщения русских летописей об Оршанской битве 1514 г. С. 116.
- ⁸ Лобин А.Н. Битва под Оршей. С. 142.
- ⁹ Критика работ А.В. Казакова и наш ответ на его рецензии в дальнейшем будут опубликованы в отдельной статье.
- ¹⁰ Лаврентьев А.В. Ранний список Холмогорской летописи из собрания А.И. Мусина-Пушкина // Труды отдела древнерусской литературы. Л., 1985. Т. 39. С. 323–334.
- ¹¹ ОПИ ГИМ. Ф. 445. № 173.
- ¹² Лаврентьев А.В. Ранний список Холмогорской летописи из собрания А. И. Мусина-Пушкина. С. 329.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С. 70.
- ¹⁵ Лаврентьев А.В. Ранний список Холмогорской летописи из собрания А. И. Мусина-Пушкина. С. 333.
- ¹⁶ Казакоў А. Дзе адбылася Аршанская бітва 1514 г.? // Герольд-Litherland, № 20. 2014. С. 4–29; Копцік Ю. Карціна «Бітва пад Воршай» як крыніца да праблемы лакалізацыі Аршанскай бітвы // Там же. С. 30–39.
- ¹⁷ Казакоў А. Дзе адбылася Аршанская бітва 1514 г.? С. 29.
- ¹⁸ Копцік Ю. Карціна «Бітва пад Воршай» як крыніца да праблемы лакалізацыі Аршанскай бітвы. С. 30–39.
- ¹⁹ GStAPK. XX HA Hist. StA Königsberg, OBA. 20215. Fol. 1–4.
- ²⁰ Казакоў А. Дзе адбылася Аршанская бітва 1514 г.? С. 11.
- ²¹ Псковские летописи. М., 1955. Вып. 2. С. 260.
- ²² См. напр: *Fontes Rerum Austriacarum. Österreichische Geschichts-Quellen.* Band I. Wein, 1855. S. 113.
- ²³ Казакоў А. Дзе адбылася Аршанская бітва 1514 г.? С. 12.
- ²⁴ Герберштейн С. Записки о Московии, М., 1988. С. 70.
- ²⁵ Kaminski A.J. Dwa świadectwa rycerskich zaslug mieszczanina zywieckiego Jana Baszty // Gronie. 1938. № 8. S. 194–196.
- ²⁶ Ad inclutum Sigismundum primum kegem Poloniae etc. nomine reginae Sarbare, post partam de Moscis victoriam epistola Andreae Kritii [1515].
- ²⁷ Отрывок русской летописи // Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ), СПб., 1853. Т. 6. С. 280; Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1977. Т. I. Ч. I. С. 142.
- ²⁸ Синодик Успенского собора: Древняя Российская Вивлиофика / Изд. Н.Новиковым. М., 1788. Т. VI. С. 463–464; Белокуров С.А. Краткая выписка о бывших между Польшею и Россией переписках, войнах и перемириях 1462–1565 гг. // Чтения в Обществе истории и древностей Российских. 1902. Кн. 4. Смес. С. 10. № 2; Савелов Л.М. Материалы для истории рода дворян Савеловых (потомство новгородских бояр Савелковых). М., 1894. Т. I. С. 10.
- ²⁹ Типографская летопись // ПСРЛ. М., 2000. Т. 24. С. 217.
- ³⁰ Летопись по Воскресенскому списку // ПСРЛ. СПб., 1859. Т. 8. С. 258; Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // ПСРЛ. СПб., 1904. Т. 13. Ч. 1. С. 22.
- ³¹ Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С. 70.
- ³² 1518, август–сентябрь. Посылка в Крым... // Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Т. 95. СПб., 1895. С. 535. № 31.